

«КЛЮЧЕВЫЕ ЭТАПЫ МОЕГО НАУЧНОГО СТАНОВЛЕНИЯ В МИНСКОЙ ШКОЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ФОНЕТИКИ»

Дискуссия на научной гостинной,
организованной в рамках вузовской конференции
«Дни науки МГЛУ-2023»

Материалы дискуссии: ответы участников на вопросы

**Екатерина Валерьяновна Зарецкая,
кандидат филологических наук, профессор**

1. За что вы любите экспериментальную фонетику?

Экспериментальная фонетика для меня – это полжизни. Сначала я познакомилась с ней как с объектом научного исследования, потом сама выполняла исследования, затем руководила исследованиям аспирантов.

Экспериментальную фонетику я люблю за то, что она материальна, все ее составляющие можно «ощутить»: звук – это волна, физически измеримая, ее воспринимает наше ухо, а производится она благодаря артикуляционному аппарату. Кратко, любую фонетическую характеристику речи можно «взять в руки». Именно материальная основа отличает экспериментальную фонетику от других сфер научного знания, это очень важный фактор: материальность фонетического аспекта можно проверить благодаря аппаратуре и разложить на различные составляющие.

2. Из Ваших воспоминаний об основателе Минской школы экспериментальной фонетики профессоре К. К. Барышниковой?

Кира Кирьяковна была удивительным человеком. Первое, что меня потрясло в ней, – это ее смелость: человек, которому было около 70 лет отважился приехать в чужой город (Минск), в чужой коллектив, не имея жилья и начать с абсолютного нуля. Она основала кафедру, лабораторию и сплотила вокруг себя большой коллектив. На это требуется мужество, именно это меня всегда удивляло и восхищало в ней.

3. Есть ли признаки, по которым Вы судите принадлежность своего формирования как ученого к Минской школе экспериментальной фонетики?

Я вижу эти признаки, в частности, в том, что за научной школой стоит коллектив, который сплочен, имеет общие цели и идет общим путем.

Что определяет формирование направлений: *фоностилистики, сегментной фонетики, синтез речи, исследования интерференции*. Это те направления, которые собрали значительное количество исследователей, определили результаты, которые были признаны научным сообществом.

Кроме этого, постепенно формировалась методика экспериментально-фонетических исследований.

Одним из признаков научной школы является количество квалифицированных специалистов. Практически все они работают у нас в университете, некоторые в республике, но также и за пределами Беларуси. Это была большая масса людей: только на факультете немецкого языка было более 10 кандидатов наук, защитившихся в области фонетики. Многие и сегодня сами готовят высококвалифицированные научные кадры. Ранее Минская школа экспериментальной фонетики, на ее заре и на пике, активно готовила кадры для других республик, прежде всего для Средней Азии, для Прибалтики.

Еще одним признаком является материальное обеспечение. Сегодня все свелось к использованию компьютерных программ для работы с акустическими данными, а когда школа формировалась и росла, то у нас была и студия, и набор техники, и персонал, который обслуживал эту школу. Именно они, инженеры, вели семинары по статистике, по членению речевого потока, по методике обработки акустического сигнала.

4. Что на Ваш взгляд является главным в том, что Минская фонетическая школа состоялась?

Я вижу несколько факторов.

Главный фактор – это наличие ангажированного старшего поколения: К. К. Барышникова, С. М. Гайдучик, Ю. А. Дубовский, А. А. Метлюк. Все это были люди, которые хотели иметь «наследников», за счет этого росла кафедра и школа. Особенно Кира Кириаковна и Сергей Миронович, это «отцы кафедры». На их долю выпало самое трудное. Они начинали с нуля, за ними стояла большая группа молодёжи, заинтересованная в росте, в раскрытии своего потенциала, и все шли в науку с удовольствием.

Второй фактор – это заинтересованное руководство института (тогда это был институт иностранных языков), заинтересованное в росте научного потенциала, в частности по фонетике. В те «бедные» времена мы получали все, что могли получить, прежде всего аппаратуру. Даже примитивный синтезатор.

5. Кто был Вашим научным руководителем? Какие черты, свойственные его образу, импонировали Вам, способствовали Вашему научному развитию?

Гайдучик Сергей Миронович.

Я благодарна ему за то, что он давал полную свободу в работе, не ставил рамок, и смотрел, что в конце получается. Всегда давал консультации. Он был человеком с большим жизненным опытом, фронтовик, с чертами характера, которые воспитала война: мужество, смелость, ответственность. Я пыталась перенимать черты его характера, и если я чему-то научилась, то это благодаря ему.

**Кохнович Татьяна Константиновна,
кандидат филологических наук, доцент.**

1. За что вы любите экспериментальную фонетику?

Экспериментальную фонетику люблю за достоверность результатов и за важность фонетики в повседневном общении.

2. Из Ваших воспоминаний об основателе Минской школы экспериментальной фонетики профессоре К. К. Барышниковой?

К. К. Барышникова умела внушить каждому аспиранту уверенность в положительном результате. Покоряли её жизнелюбие, интеллигентность и написание стихов по случаю её же юбилея – 80 лет.

3. Есть ли признаки, по которым Вы судите принадлежность своего формирования как ученого к Минской школе экспериментальной фонетики?

На протяжении всех лет работы на кафедре фонетики участвовала с докладами в научных конференциях разного уровня.

4. Что на Ваш взгляд является главным в том, что Минская школа экспериментальной фонетики состоялась?

Важным является то, что кафедры фонетики возглавляют фонетисты.

5. Кто был Вашим научным руководителем? Какие черты, свойственные его образу, импонировали Вам, способствовали Вашему научному развитию?

Моим научным руководителем являлся профессор С. М. Гайдучик. Моему научному развитию способствовала его требовательность, а также чёткое планирование моей работы и своевременное представление результатов.

**Надежда Семеновна Евчик,
доктор филологических наук, профессор**

1. За что вы любите экспериментальную фонетику?

Экспериментальная фонетика предоставила лингвистам инструменты для проведения систематических наблюдений, измерений и экспериментов над языковыми явлениями, что позволило заложить более строгие научные основы изучения звучащей речи. Поэтому экспериментальная фонетика представляется мне особенно ценной как область, позволяющая получать объективные и точные результаты.

Особая значимость экспериментальной фонетики в том, что она обеспечивает получение объективных и воспроизводимых результатов при анализе больших объёмов сложно организованной спонтанной речи.

Особо подчеркну тот факт, что благодаря развитию экспериментальной фонетики лингвистика получила новый статус: она перестала быть чисто гуманитарной наукой и вошла также в сферу естественнонаучного знания.

2. Из Ваших воспоминаний об основателе Минской школы экспериментальной фонетики профессоре К. К. Барышниковой?

Кира Кириаковна умела не ограничивать научный поиск своих аспирантов, а, напротив, поощрять их творческую самостоятельность. Она создавала атмосферу доверия и интеллектуальной свободы, в которой формировалось ответственное научное мышление.

Особенно запомнился мне её отклик на текст первой главы моей кандидатской диссертации:

«Я никогда не думала, что так можно писать!» — «А как?» — «Я вам этого не скажу. Так тоже можно, и это интересно. Продолжайте исследовать свою проблему в этом направлении».

Эти слова стали для меня важным подтверждением ценности самостоятельного научного поиска и доверия к собственному исследовательскому видению.

3. Есть ли признаки, по которым Вы судите принадлежность своего формирования как ученого к Минской школе экспериментальной фонетики?

Благодаря своему развитию в рамках нашей научной школы я смогла сформировать у себя ряд принципиально важных качеств для научной работы:

- когда я проходила аспирантскую подготовку на кафедре экспериментальной фонетики, у нас был семинар для аспирантов и соискателей, где мы учились вести дискуссию по докладам, которые выполняли по очереди на предложенные нам для разработки актуальные темы; на этих семинарах мы формировали умение выполнять постановку проблемы, строить иллюстративно и доказательно свои доклады, задавать вопросы по существу;

- на кафедре для аспирантов было установлено правило обсуждать разработку темы по главам и делать это следовало вовремя, в соответствии с индивидуальным планом, в обсуждении принимали участие все ученые кафедры и все аспиранты; вопросы следовало задавать каждому участнику, обсуждение проходило в деловой форме с высокой культурой научного общения; это была не жесткая, беспощадная критика, а дискуссия с выяснением того, что не так, с рекомендациями и наводящими вопросами о том, как сделать работу более ясной и доказательной.

Эти правила, сформированные в те времена, остаются у меня рабочими до настоящего времени.

Именно эти устойчивые профессиональные установки и исследовательские практики, сформированные в период аспирантской подготовки, я рассматриваю как основные признаки своей принадлежности к Минской школе экспериментальной фонетики.

4. Что, на Ваш взгляд, является главным в том, что Минская школа экспериментальной фонетики состоялась?

Минская школа экспериментальной фонетики состоялась благодаря мудрости и прозорливости основателя профессора К. К. Барышниковой и ее научного соратника профессора С. М. Гайдучика. Оба они увидели в качестве достойного продолжателя доцента, а затем профессора А. А. Метлюк.

Это были годы, когда на кафедре проводили исследования множество аспирантов и к развитию их потенциала относились уважительно и с доброжелательной строгостью. Каждый аспирант был в фокусе внимания своего научного руководителя, руководителя кафедры, ее ведущих специалистов, инженерного состава и даже лаборантов. В целом это был очень сплоченный коллектив вдохновленных сотрудников, желающих успешно решать общие задачи.

5. Кто был Вашим научным руководителем? Какие черты, свойственные его образу, импонировали Вам, способствовали Вашему научному развитию?

Моим научным руководителем была Кира Кириаковна Барышникова – человек с богатым внутренним миром, с собственной точкой зрения на события, личности и научные проблемы, ученый с большой буквы. Наше сотрудничество в моей заочной аспирантуре длилось только полтора года. Однако этого было достаточно, чтобы Кира Кириаковна оставила неизгладимый след в моем формировании. Моему личностному развитию импонировали такие качества Киры Кириаковны, которые и до поступления в аспирантуру как участник научного семинара я видела в ее деятельности на кафедре:

- постоянство в работе над собой и своим научным уровнем,
- умение организовать себя и других,
- умение элегантно решать сложные вопросы,
- соблюдать правила высокой нравственности в отношениях с коллегами,
- умение ценить достоинства каждого участника процесса независимо от ранга,
- личное внимание к каждому сотруднику и аспиранту и заинтересованность в развитии его творчества.

Под влиянием Киры Кириаковны у меня сложились такие научные качества, как:

- спрашивать саму себя о качестве выполненного анализа,
- добиваться ясности мысли и слова в изложении текста исследования,
- работать над собой в научном плане не спорадически, а постоянно,
- быть строгой во временных рамках исполнения необходимого.

